

Александр Гарцев

В чем счастье, Свет?

Александр Гарцев

В чем счастье, Свет?

<https://litres.ru/74135114>

SelfPub; 2026

Аннотация

Повесть известного сетевого писателя Александра Гарцева это честный, горький и невероятно теплый роман о том, что настоящее счастье выглядит не как глянцевая картинка.

Оно выглядит как мозолистая рука, которая греет твою замерзшую ладонь в ледяном троллейбусе по дороге на ненавистную работу.

Это история трех женщин, которых статистика сухо называет «матерями-одиночками».

Светлана — крановщица с железными нервами и вечным запахом мазута.

Марина — медсестра реанимации, чья усталость так велика, что её можно резать ножом.

Ирина — уборщица, мечтающая о простом женском счастье под аккомпанемент старого радио. У каждой своя квартира, свои дети и свой выжженный дотла тыл: они выгнали мужей-пьяниц и бездельников, решив, что свобода лучше кабалы.

Но почему эта долгожданная свобода пахнет хлоркой, пустым холодильником и бесконечной бессонницей?

Но почему, избавившись от мужей - тиранов, они плачут по ночам?

Содержание

1	5
2	7
3	11
4	12
5	13
6	14
7	16
8	19
9	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Александр Гарцев

В чем счастье, Свет?

1

Пять утра в панельном аду начиналось одинаково — с ненависти к будильнику и ледяного пола. Для Марины пять утра наступило, когда она вышла из ванной, где пыталась отмыть запах формалина и чужой смерти из-под ногтей. В коридоре было темно, только мигал красным глазком электросчетчик, отсчитывая рубли, которых до зарплаты оставалось на три дня жизни.

— Мам, я не буду эту дрянь, — голос дочери из комнаты был похож на скрип пенопласта по стеклу. Кате шестнадцать, у нее переходный возраст, прыщи и понимание того, что они нищие. — У Ленки «Найк» за пятнашку, а мне эти позорные чешки на физру?

Марина зажгла конфорку. Газ вспыхнул синим, пахло серой. Она поставила на плиту кастрюлю с вчерашними макаронами. Масло кончилось еще вчера, поэтому завтрак предстоял сухой. — Перебьешься, — бросила Марина через плечо, стараясь, чтобы голос не дрожал. На работе она командовала санитарями и ставила катетеры умирающим, но дома ее авторитет держался на честном слове и этих вот хо-

лодных макаронах. — Отец алименты прислал? Вопрос был риторическим. Бывший муж Марины платил исправно — триста рублей в месяц. Видимо, это была цена его отцовской совести после покупки нового айфона любовнице. — Сказал, переведет, когда машину продаст! — крикнула Катя. — Ма-ам, дай денег на обед. Сто рублей хотя бы.

В этот момент в дверь кухни сунулась лохматая голова младшего сына. Семилетний Антошка тер глаза кулачком, прижимая к груди старого плюшевого зайца без одного уха. — Мама, там дядя Леша стучит.

2

Алексей жил двумя этажами выше. Он работал мастером смены на том же заводе, где вкалывала Светлана, и считал себя интеллигентом районного масштаба, потому что читал бумажные книги и не пил водку литрами. Сейчас он стоял на общей лестничной клетке перед тремя одинаковыми дерматиновыми дверями. Из-за двери Марины тянуло горелым молоком и бедой. Алексей поправил узел галстука — он всегда надевал его даже под спецовку, такая привычка — и нажал кнопку звонка. Трель раздалась прямо над ухом спящего Антошки.

Дверь открыла Марина. Халат распахнут, под ним — выцветшая ночнушка в розочках. Лицо серое от недосыпа, волосы скручены в тугий пучок, который, казалось, натягивает кожу на висках, заставляя ее вечно морщиться. — Лех, ты чего в такую рань? Суббота же, — прохрипела она. — Соль кончилась, Мариш, — виновато улыбнулся Алексей. От него пахло хорошим парфюмом (подарок жены) и морозцем. — И молотого кофе нет совсем. А жена спит, боюсь молоть, разбужу. Выручишь? Я потом пачку куплю, верну.

Он заглядывал ей за плечо. Ему нравилась Марина. Строгая, недоступная, как завуч. Но сегодня сквозь маску усталости проступало что-то другое — почти животное отчаяние. — Заходи, горе луковое, — посторонилась она. — Только

тихо, дети... Хотя поздно уже.

На кухне картина предстала феерическая. Прямо посередине линолеума стояло оцинкованное ведро. В нем мокли чьи-то кружевные лифчики ядовито-розового цвета. Над ведром возвышалась Ирина. Ирина выглядела так, словно собиралась не мыть подъезд банка, а брать штурмом Бастилию: леопардовый шелковый халат, расшитый поддельным золотом, бигуди-папильотки на голове и лицо, покрытое толстым слоем белой маски. Черные прорези для глаз смотрели зло. — Ты опять мое место занял, козел старый! — прошипела она Алексею, заметив его взгляд, брошенный на таз. — Я тут полощу, а он со своей солью приперся! Ходят и ходят!

— Ир, угомонись, — устало одернула её третья участница утреннего сбора. Светлана сидела за столом в промасленной рабочей куртке поверх фланелевой рубашки. Перед ней стояла глубокая тарелка, полная дымящейся мясной солянки. Огромная ложка в руке Светланы казалась игрушечной. Сама Светлана напоминала асфальтоукладчик — широкая, надежная, неповоротливая. Её лицо цветом напоминало кирзовый сапог, а нос украшали сизые прожилки сосудов — профессиональная болезнь всех крановщиц, работающих на ветру.

— Доброе утро, девчата, — поздоровался Алексей, протискиваясь к навесному шкафчику. — Какое оно доброе, — буркнула Светлана, отправляя в рот ложку сметаны. — Проспала я. Вторую ночь подряд кран чинили, падлы. Началь-

ник премию обещал, ага, жди. Вычтут за перерасход электроэнергии. Садись, Леш, вон хлеб бери. Свежий.

Она кивнула на стол. Хлеб лежал прямо на газетке, отрезанный неровными ломтями. Рядом — головка чеснока и бутылка подсолнечного масла. Алексей сел на табуретку, чувствуя себя слоном в посудной лавке. Его шестидесятиметровая двушка наверху сейчас казалась ему дворцом султана. Там теплый пол, робот-пылесос и жена, которая жалуется, что гель-лак плохо сохнет в лампе.

— Чего смурной такой? — спросила Светлана, продолжая наворачивать солянку. Ела она вкусно, громко, с аппетитом человека, отработавшего двенадцать часов на высоте птичьего полета. — Жена мозг клюет? Так гони ты её. Мы вон все одни живем — горя не знаем. Воздух какой! Свобода!

Она обвела рукой кухню размером два на полтора метра, где одновременно пытались существовать четыре человека, готовился завтрак на пятерых и сушилось интимное белье соседки.

Алексей посмотрел на них. По очереди. На Ирину, которая ожесточенно терла эмалированную раковину порошком «Пемолюкс», шипя проклятия в адрес бывшего мужа-сантехника. На Марину, которая резала холодное масло тонкими, прозрачными пластинками, будто делала хирургическую операцию, стараясь не греметь ножом, чтобы не разбудить детей окончательно. На Светлану, которая доедала суп, гля-

дя в одну точку тяжелым, пустым взглядом.

— Да нормально всё у нас, — ответил Алексей. — Просто подумал... Вот вы говорите — свобода. Разбежались со своими алкашами. Сами себе хозяйки. А вид у вас такой, девки, будто вы вагоны разгружали голыми руками. Где счастье-то? Бабья доля она такая?

Слово «бабья» повисло в воздухе жирным пятном. Ирина замерла с тряпкой. Марина перестала дышать. Даже Светлана медленно положила ложку на стол.

— Счастье, Лешенька, — очень тихо сказала Марина, впервые поднимая на него свои темные, больные глаза, — это когда ты приходишь домой в час ночи после суток. Дети спят. Посуду мыть сил нет. Ты садишься на край ванны и плачешь. Не потому что больно или обидно. А потому что *тихо*. Господи, какое же это счастье, когда просто тихо. Ни храпа, ни мата, ни звона стаканов. Тишина стоит такая, что уши закладывает. Вот оно, наше бабье счастье. Дорогое.

Она сглотнула комок в горле, схватила чайник и отвернулась к окну, делая вид, что смотрит во двор.

Алексей почувствовал, как краснеют его уши. Ему стало мучительно стыдно за свой новый пуховик, за банку дорогого кофе в кармане, за то, что он пришел сюда просить подачку сверху вниз.

— Ладно, пойду я, — пробормотал он, пряча соль в карман. — Спасибо, Свет. Выздоровливай давай. Тебе в ночь сегодня. — Типун тебе на язык, — огрызнулась Светлана, снова берясь за ложку. — Мне помирать некогда, у меня кредит за пластиковые окна. Десять лет платить. Это вам, молодым, хорошо...

Когда за Алексеем закрылась дверь, Ирина наконец разогнулась. Спина хрустнула. Она подошла к столу, взяла кусок хлеба, понюхала и отложила. — Девки, — сказала она вдруг изменившимся, севшим голосом, снимая с глаза черную каплю попавшей маски. — А давайте напьемся? Сегодня. Суббота. Денег нет, знаю. Давайте скинемся по сотке. Купим бутылку этой... как её... настойки сладкой. Самой дешевой. Посидим как люди. Без мужиков. Они нам всю жизнь испоганили, пусть теперь смотрят, как мы счастливы.

Марина обернулась от окна. На лице ее блуждала странная, кривая усмешка. — Наливай, — сказала она. — Антошка в школе олимпиаду выиграл. Имеем право.

Светлана хмыкнула, достала из холодильника недопитую бутылку минералки, посмотрела на этикетку и решительно отставила. — Минералкой похмеляться — моветон, — басом заявила она. — Сейчас борщ доварю и схожу в магазин. Картохи притащу. Закуска будет.

Три женщины переглянулись. В глазах каждой плескалось безумие долгого марафона, финиш которого постоянно откладывали. Они были несчастны. Они были свободны. И единственное, что им оставалось в этом мире заводских труб и ледяного ветра — это держаться друг за друга, пока есть силы стоять на ногах.

5

К семи утра кухня превратилась в филиал преисподней, где правили три разные стихии. Марина металась между ванной и детской, как скорая помощь. Антошка умудрился облиться киселем, Катя рыдала над утюгом, прожигая единственную «парадную» блузку, а фен издал предсмертный хрип и завонял паленым пластиком. — Мам, ну купи новый! У всех нормальные матери покупают! — визжала Катя, перебивая шум воды. — Нормальные отцы алименты платят не по триста рублей, пародия на человека! — огрызнулась Марина, пытаясь высушить волосы дочери полотенцем. Фен был их главным инструментом социализации. Без укладки дочь выглядела как сирота, а это означало травлю в школе.

В коридоре пахло озоном и бедой. Денег до зарплаты оставалось ровно на проездной и хлеб.

Светлана варила борщ. Это было священнодействие. Огромная кастрюля литров на восемь стояла на самой большой конфорке. Светлана правила этот процесс так же сурово, как свой башенный кран: чтобы свекла дала цвет, но не потеряла хруст; чтобы капуста сварилась, но не стала тряпкой. Она работала во вторую смену, поэтому утро у нее принадлежало дому. Но мысли её были далеко — там, на высоте сорока метров, где ветер гудит в стальных тросах сильнее, чем мартовские коты.

Ирина сидела тут же, на табуретке, завернувшись в леопардовый халат. Бигуди она сняла, обнажив мелкую химическую завивку. Маску смыла — под ней оказалось усталое лицо с мелкими морщинками у губ. Она смотрела, как ловко Светка управляется с ножом. — Слышь, Свет, — протянула Ирина, болтая ногой. — А чего твой-то совсем пропал? Даже за солью не заходит. Я его вчера видела, идет синий весь, шарф на одно плечо. Жалко даже. — Себя пожалей, шалава крашенная, — беззлобно отозвалась Светлана, шинкуя морковь. — Мой сейчас сухой закон держит. Третий день. В гараж ушел. Говорит, проводку в «копейке» меняет. Если трезвый чинит — значит, скоро запьет всерьез и надолго. Закон физики. Так что радуйся, что он ко мне ходит, а не к тебе под окна блевать. Твой-то хоть платит?

Вопрос про «твоего» попал в цель. Лицо Ирины исказилось, стало злым и хищным. — Платит... Как же. Он мне теперь через приставов платит. По тысяче в месяц. Алиментщик хренов. Чтоб он подавился этой тысячей! Мне Степашке кроссовки нужны, у него лапа растет! Я полы в банке мою, я раком стою, плитуса зубной щеткой драю, чтоб эта мразь богатая жопу о гранит вытирала, а моим детям — подачка!

Степашкой звали семилетнего сына Ирины. Отец забрал его к себе на выходные два месяца назад и вернул с температурой, без куртки, зато с синяком под глазом. Сказал: «Мужиком растет». После этого Ирина пошла в суд.

— Не ори, ребенка разбудишь, — цыкнула Светлана. — Ты, Ира, дура. Приставам радоваться надо. Значит, официально работает. Копеечка капает стабильно. Вот Марине вообще никто ничего не должен. Её кобель вольный казак. Сегодня здесь, завтра в Ханты-Мансийске нефть качает. Там такие бабки крутят — нам и не снилось. А дети наши при чем? Им кушать каждый день надо.

Тяжелая металлическая дверь подъезда хлопнула с такой силой, что зазвенели стаканы в сушилке. На пороге кухни возник Алексей. Вид у него был помятый, словно он только что спустился не со второго этажа, а выполз из недельного запоя. Но глаза — глаза сияли лихорадочным блеском одержимости.

— Девчата... — просипел он, опираясь о косяк. — Одолжите денег. До понедельника. Умоляю.

Три пары женских глаз уставились на него. Одна — сочувственно (Марина уже лезла в карман халата за кошельком), вторая — оценивающе (Светлана прикидывала, хватит ли ей на бутылку портвейна после смены), третья — с презрением (Ирина скривила губы).

— Леха, ты сбрендил? Суббота, семь утра, — Марина достала потертую сторублевую купюру. — Держи. Тут немного, на чекушку не хватит, разбавлять придется. — Да плевать на чекушку! — Алексей оттолкнул ее руку. Деньги упали на пол. — Жена выгнала. К маме ушла. С детьми. Сказала, пока машину не поменяю, порог не переступит. Представляете? Старая «десятка» ей жизни не дает! Ей комфорта хочется! Кожаный салон ей подавай!

Он ударил кулаком по холодильнику. Банки с огурцами жалобно дзынькнули. — Дайте в долг! Пять тысяч! Я в по-

недельник аванс получу, всё до копейки занесу! Продукты купить нечем, холодильник пустой...

Наступила тишина. Такая густая, что стал слышен гул труб отопления. Марина молча подняла свою сотню с пола и положила обратно в кошелек. Застегнула молнию. Светлана отложила нож. Вытерла руки о фартук. Медленно подошла к Алексею. Она была выше его на полголовы и шире раза в полтора.

— Леша, — сказала она тихо, нависая над ним. От неё пахло чесноком, жареным луком и тяжелым мужским потом (она еще не успела переодеться после ночной смены). — Посмотри на меня. Сюда смотри. Алексей поднял зареванное, красное лицо. — Видишь вот эту кастрюлю? — Светлана кивнула на борщ. — Здесь мясо есть. Три косточки говяжьих. Я их на рынке у знакомого мясника взяла, он мне обрезь отдал почти даром, потому что я ему балкон стеклила бесплатно. Видишь мой фартук? Он заляпан маслом. Потому что я всю ночь балансировочные винты подтягивала, пальцы в кровь, спина колом. Она ткнула толстым пальцем в грудь Марины: — Видишь её? Она сутки мертвых таскала. У неё мать лежащая на другом конце города. Она туда мотается памперсы менять после суток. Палец переместился на Ирину: — А видишь эту красавицу? — Светлана усмехнулась, показывая металлические коронки. — Она унитазы чужие хлоркой трет, хлоркой дышит, чтобы сын портфель не позорный носил. Мы живем, Леш. Понимаешь? МЫ. Каждая

сама по себе. Нам тяжело, мы воем по ночам, мы сожрать друг друга готовы за последний кусок масла. Но мы *свободны*.

Голос Светланы налился сталью крана-балки. — А ты, инженер хренов, свободный человек, носишься по подъезду, сопли пузырями, выпрашиваешь пятерку, чтобы перед своей куклой извиниться за старую жестянку. Тебе жена условия ставит! Ты ради машины готов детей голодными оставить, лишь бы барыню свою на кожаное сиденье посадить! Какой же ты жалкий, Алеша. Противно смотреть. Забирай свою сотку, если Маринка даст, и иди работай. Свободный мужчина.

Она развернулась и вернулась к плите. Сняла крышку с кастрюли. Пар ароматным облаком окутал её лицо. — Борщ настоялся. Будете? — буднично спросила она, обращаясь сразу ко всем. — Только сметану сами ищите.

Алексей стоял посреди кухни, раздавленный. Его трясло. Он посмотрел на свои руки — чистые, ухоженные, с аккуратным маникюром. Потом перевел взгляд на руки Светланы — красные, с разбитыми костяшками и вьевшейся металлической пылью под ногтями. Сотка, которую протягивала ему Марина, казалась сейчас грязной тряпкой.

— Нет, — выдавил он. — Спасибо. Не надо. Он попятился к выходу, наткнулся спиной на стену, развернулся и почти выбежал из квартиры, громко хлопнув входной дверью.

8

Ирина прыснула в кулак. — Артист погорелого театра. Сейчас побежит ломбард грабить, лишь бы колеса блестели. — Зря ты так, Свет, — тихо сказала Марина, садясь за стол и обхватывая горячую чашку с чаем ладонями. — Мужик ведь просто запутался. Ему тоже несладко. — Несладко — это когда зубы гнилые лечить не на что, — отрезала Светлана, начиная рубить капусту с новой силой. Нож входил в кочан с сочным хрустом. — А когда жена из-за чехлов для сидения выгнала — это дурость. Пусть страдает. Полезнее будет.

Она попробовала борщ ложкой, посолила, добавила щепотку сахара. Улыбнулась своим мыслям. Свобода действительно дорого стоит. Очень дорого. Иногда ценой в целую жизнь без мужской спины рядом. Но глядя на то, во что превратился сегодня утром соседский «инженер», Светлана впервые за долгое время почувствовала себя не одинокой брошенкой, а хозяйкой собственной судьбы. А своя судьба, какой бы тяжелой ни была, всегда вкуснее чужой слюны.

9

Ноябрь на Урале — это не время года, а диагноз. Снега еще нет, но земля промерзла до звона и превратилась в стекло. Утренний дождь к обеду застывает причудливыми сталактитами на проводах и карнизах, превращая мир за окном в хрустальную шкатулку, внутри которой бьется живое человеческое тепло.

«Магнит» у дома. Время — час дня. узкие проходы между стеллажами, пахнущие хлоркой, дешевым пластиком и несбывшимися надеждами среднего класса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.